

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ

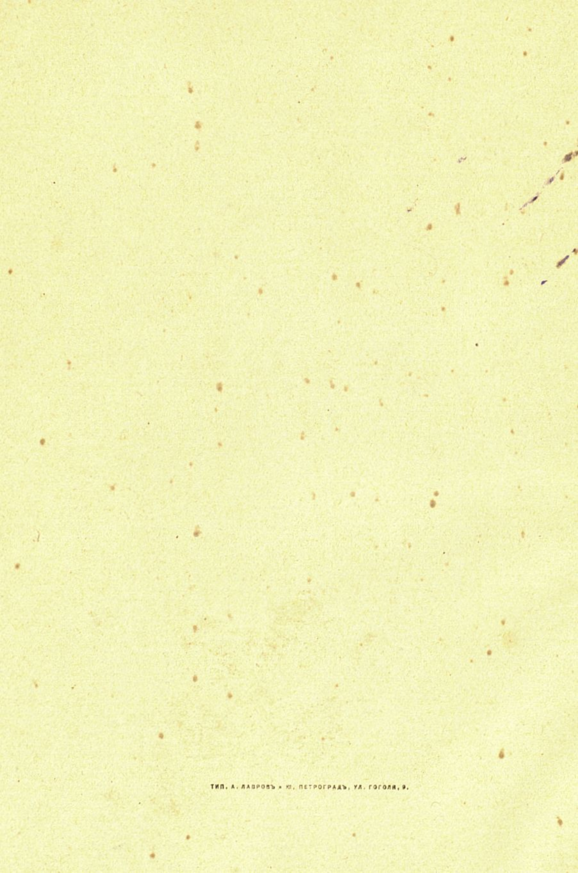
КАМЕНЬ

СТИХИ

«ГИПЕРБОРЕЙ»
ПЕТРОГРАДЪ
1916

КАМЕНЬ

ТИП. А. ЛАВРОВЪ и К°, ПЕТРОГРАДЪ, УЛ. ГОГОЛЯ, 9.

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ

КАМЕНЬ

СТИХИ

«ГИПЕРБОРЕЙ»
ПЕТРОГРАДЪ
1916

Звукъ осторожный и глухой
Плода, сорвавшагося съ древа,
Среди немолчнаго напѣва
Глубокой тишины лѣсной...

1908.

Сусальнымъ золотомъ горятъ
Въ лѣсахъ рождественскія елки;
Въ кустахъ игрушечные волки
Глазами страшными глядятъ...

1908.

Изъ полутемной залы, вдругъ,
Ты выскользнула въ легкой шали—
Мы никому не помѣшали,
Мы не будили спящихъ слугъ...

1908.

Нѣжнѣе нѣжнаго
Лицо твое,
Бѣлѣе бѣлаго
Твоя рука,
Отъ міра цѣлаго
Ты далека,
И все твое—
Отъ неизбѣжнаго.

Отъ неизбѣжнаго—
Твоя печаль
И пальцы рукъ
Не остывающихъ,
И тихій звукъ
Неунывающихъ
Рѣчей,
И даль
Твоихъ очей.

1909.

На блѣдно-голубой эмали,
Какая мыслима въ апрѣлѣ,
Березы вѣтви поднимали
И незамѣтно вечерѣли.

Узоръ отточенный и мелкій
Застыла тоненькая сѣтка,
Какъ на фаянсовой тарелкѣ
Рисунокъ вычерченный мѣтко—

Когда его художникъ милый
Выводитъ на стеклянной тверди,
Въ сознаніи минутной силы,
Въ забвеніи печальной смерти.

1909.

Есть цѣломудренныя чары:
Высокій ладъ, глубокій миръ;
Далеко отъ эѳирныхъ лиръ
Мной установленные лары.

У тщательно обмытыхъ нишъ,
Въ часы внимательныхъ закатовъ,
Я слушаю моихъ пенатовъ
Всегда восторженную тишь.

Какой игрушечный удѣлъ,
Какіе робкіе законы
Приказываетъ торсъ точеный
И холодъ этихъ хрупкихъ тѣлъ!

Иныхъ боговъ не надо славить:
Они какъ равные съ тобой!
И, осторожною рукой,
Позволено ихъ переставить.

1909.

Дано мнѣ тѣло—что мнѣ дѣлать съ нимъ
Такимъ единымъ и такимъ моимъ?

За радость тихую дышать и жить,
Кого, скажите, мнѣ благодарить?

Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.

На стекла вѣчности уже легло
Мое дыханіе, мое тепло.

Запечатлѣется на немъ узоръ,
Неузнаваемый съ недавнихъ поръ.

Пускай мгновенія стекаетъ муть—
Узора милаго не зачеркнуть!

1909.

Невыразимая печаль
Открыла два огромныхъ глаза,—
Цвѣточная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой—сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Такъ много поглотило сна.

Немного краснаго вина,
Немного солнечнаго мая—
И, тоненькій бисквитъ ломая,
Тончайшихъ пальцевъ бѣлизна...

1909.

Когда ударъ съ ударами встрѣчается,
И надо мною роковой
Неутомимый маятникъ качается
И хочетъ быть моей судьбой,

Торопится и грубо остановится
И упадетъ веретено—
И невозможно встрѣтиться, условиться
И уклониться не дано.

Узоры острые переплетаются
И все быстрѣе и быстрѣй
Отравленные дротики взвиваются
Въ рукахъ отважныхъ дикарей;

И вереница стройная уносится
Съ веселымъ трепетомъ, и вдругъ —
Одумалась и прямо въ сердце просится
Стрѣла, описывая кругъ.

1910.

Ни о чемъ не нужно говорить,
Ничему не слѣдуетъ учить,
И печальна такъ и хороша
Темная звѣриная душа:

Ничему не хочетъ научить,
Не умѣетъ вовсе говорить—
И плыветъ дельфиномъ молодымъ
По сѣдымъ пучинамъ мiровымъ.

1909.

Медлительнѣе снѣжный улей,
Прозрачнѣе окна хрусталь
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стулѣ.

Ткань, опьяненная собой,
Изнѣженная лаской свѣта,
Она испытываетъ лѣто,
Какъ бы нетронута зимой.

И, если въ ледяныхъ алмазахъ
Струится вѣчности морозъ,
Здѣсь—трепетаніе стрекозъ
Быстроживущихъ, синеглазыхъ...

1910.

SILENTIUM.

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышатъ моря груди,
Но, какъ безумный, свѣтелъ день
И пѣны блѣдная сирень
Въ мутно-лазоревомъ сосудѣ.

Да обрѣтутъ мои уста
Первоначальную нѣмоту—
Какъ кристаллическую ноту,
Что отъ рожденія чиста.

Останься пѣной, Афродита,
И слово въ музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
Съ первоосновой жизни слито.

1910.

Я такъ же бѣденъ, какъ природа,
И такъ же простъ, какъ небеса,
И призрачна моя свобода —
Какъ птицъ полночныхъ голоса.

Я вижу мѣсяцъ бездыханный
И небо мертвеннѣй холста;
Твой міръ болѣзненный и странный
Я принимаю, пустота!

1910.

Въ огромномъ омутѣ прозрачно и темно
И томное окно бѣлѣетъ;
А сердце, отчего такъ медленно оно
И такъ упорно тяжелѣетъ?

То всею тяжестью оно идетъ ко дну,
Соскучившись по миломъ илѣ,
То, какъ соломинка, минуя глубину
Наверхъ всплываетъ безъ усилій.

Съ притворной нѣжностью у изголовья стой
И самъ себя всю жизнь баюкай,
Какъ небылицею своей томись тоской
И ласковъ будь съ надменной скукой.

1910.

Душный сумракъ кроетъ ложе,
Напряженно дышетъ грудь...
Можетъ, мнѣ всего дороже
Тонкій крестъ и тайный путь.

1910.

Какъ кони медленно ступаютъ,
Какъ мало въ фонаряхъ огня,
Чужіе люди, вѣрно, знаютъ,
Куда везутъ они меня.

А я ввѣряюсь ихъ заботѣ,
Мнѣ холодно, я спать хочу;
Подбросило на поворотѣ,
Навстрѣчу звѣздному лучу.

Горячей головы качанье
И нѣжный ледъ руки чужой
И темныхъ елей очертанья,
Еще невиданныя мной...

1911.

Скудный лучъ, холодной мѣрою,
Сѣетъ свѣтъ въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сѣрую,
Въ сердцѣ медленно несу.

Что мнѣ дѣлать съ птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола,

И стоитъ осиротѣлая
И нѣмая вышина—
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина.

Утро, нѣжностью бездонное—
Полу-явь и полу-сонъ,
Забытье неутоленное—
Думъ туманный перезвонъ...

1911.

Воздухъ пасмурный влаженъ и гулокъ;
Хорошо и не страшно въ лѣсу.
Легкій крестъ одинокихъ прогулокъ
Я покорно опять понесу.

И опять къ равнодушной отчизнѣ
Дикой уткой взовьется упрекъ:
Я участвую въ сумрачной жизни
И невиненъ, что я одинокъ!

Выстрѣлъ грянулъ. Надъ озеромъ соннымъ
Крылья утокъ теперь тяжелы,
И двойнымъ бытіемъ отраженнымъ
Одурманены сосенъ стволы.

Небо тусклое съ отсвѣтомъ страннымъ—
Міровая туманная боль—
О позволь мнѣ быть также туманнымъ
И тебя не любить мнѣ позволь!

1911.

Сегодня дурной день:
Кузнечиковъ хоръ спитъ,
И сумрачныхъ скалъ сѣнь—
Мрачнѣй гробовыхъ плитъ.

Мелькающихъ стрѣлъ звонъ
И вѣщихъ воронъ крикъ...
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летитъ мигъ.

Явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клѣть,
И яростный гимнъ грянь—
Бунтующихъ тайнъ мѣдь!

О, маятникъ душъ строгъ—
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучитъ рокъ
Въ запретную дверь, къ намъ...

1911.

Смутно-дышащими листьями
Черный вѣтеръ шелеститъ,
И трепещущая ласточка
Въ темномъ небѣ кругъ чертитъ.

Тихо спорятъ въ сердцѣ ласковомъ,
Умирающемъ моемъ
Наступающія сумерки
Съ догорающимъ лучомъ.

И надъ лѣсомъ вечерѣющимъ
Стала мѣдная луна;
Отчего такъ мало музыки
И такая тишина?

1911.

Отчего душа—такъ пѣвуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ—только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
Зашумитъ бумажной листвой,
И совсѣмъ не вернется—или
Онъ вернется совсѣмъ другой...

О, широкій вѣтеръ Орфея,
Ты ушелъ въ морскія края—
И не созданный міръ лелѣя,
Я забылъ ненужное „я".

Я блуждалъ въ игрушечной чащѣ,
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели, я настоящій,
И дѣйствительно смерть придетъ?

1911.

РАКОВИНА.

Быть можетъ, я тебѣ не нуженъ
Ночь; изъ пучины міровой,
Какъ раковина безъ жемчужинъ,
Я выброшенъ на берегъ твой.

Ты равнодушно волны пѣнишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оцѣнишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песокъ съ ней рядомъ ляжешь,
Одѣнешь ризою своей,
Ты неразрывно съ нею свяжешь
Огромный колоколъ зыбей;

И хрупкой раковины стѣны,—
Какъ нежилого сердца домъ—
Наполнишь шопотами пѣны,
Туманомъ, вѣтромъ и дождемъ...

1911.

О небо, небо, ты мнѣ будешь сниться!
Не можетъ быть, чтобъ ты совсѣмъ ослѣпло,
И день сгорѣлъ, какъ бѣлая страница:
Немного дыма и немного пепла!

1911.

Я вздрагиваю отъ холода—
Мнѣ хочется онѣмѣть!
А въ небѣ танцуетъ золото—
Приказываетъ мнѣ пѣть.

Томись музыкантъ встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь
И, съ тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкій мячъ!

Такъ вотъ она—настоящая
Съ таинственнымъ міромъ связь!
Какая тоска щемящая,
Какая бѣда стряслась!

Что, если надъ модной лавкою
Мерцающая всегда
Мнѣ въ сердце длинной булавкою
Опустится вдругъ звѣзда?

1912.

Я ненавижу свѣтъ
Однообразныхъ звѣздъ.
Здравствуй мой давній бредъ,—
Башни стрѣльчатой ростъ!

Кружевомъ камень будь,
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будетъ и мой чередъ—
Чую размахъ крыла.
Такъ—но куда уйдетъ
Мысли живой стрѣла?

Или, свой путь и срокъ
Я, исчерпавъ, вернусь:
Тамъ—я любить не могъ,
Здѣсь—я любить боюсь...

1912.

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѢ осязать.
«Господи!», сказалъ я по ошибкѢ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
ВылетѢло изъ моей груди.
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клѢтка позади...

1912.

Нѣтъ, не луна, а свѣтлый циферблатъ
Сіяетъ мнѣ, и чѣмъ я виноватъ,
Что слабыхъ звѣздъ я осязаю млечность?

И Батюшкова мнѣ противна спесь;
Который часъ, его спросили здѣсь—
А онъ отвѣтилъ любопытнымъ: вѣчность!

1912.

ПѢШЕХОДЪ.

М. Л. Лозинскому.

Я чувствую непобѣдимый страхъ
Въ присутствіи таинственныхъ высотъ;
Я ласточкой доволенъ въ небесахъ
И колокольни я люблю полетъ!

И, кажется, старинный пѣшеходъ,
Надъ пропастью, на гнущихся мосткахъ,
Я слушаю—какъ снѣжный комъ растетъ
И вѣчность бьетъ на каменныхъ часахъ.

Когда бы такъ! Но я не путникъ тотъ,
Мелькающій на выцвѣтшихъ листахъ,
И подлинно во мнѣ печаль поетъ;

Дѣйствительно лавина есть въ горахъ!
И вся моя душа—въ колоколахъ—
Но музыка отъ бездны не спасетъ!

1912.

КАЗИНО.

Я не поклонникъ радости предвзятой,
Подчасъ природа сѣрое пятно,—
Мнѣ, въ опьяненьи легкомъ, суждено
Извѣдать краски жизни небогатой.

Играетъ вѣтеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И, бездыханная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окруженъ водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрусталѣ вино,—
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

Паденье—неизмѣнный спутникъ страха,
И самый страхъ есть чувство пустоты.
Кто камни къ намъ бросаетъ съ высоты—
И камень отрицаетъ иго праха?

И деревянной поступью монаха
Мощеный дворъ, когда-то, мѣрилъ ты—
Булыжники и грубыя мечты—
Въ нихъ жажда смерти и тоска размаха...

Такъ проклятъ будь готическій пріютъ,
Гдѣ потолкомъ входящій обмороченъ
И въ очагѣ веселыхъ дровъ не жгутъ!

Немногіе для вѣчности живутъ;
Но, если ты мгновеннымъ озабоченъ,
Твой жребій страшенъ и твой домъ непроченъ!

1912.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Георгю Иванову.

Поѣдемъ въ Царское Село!
Свободны, вѣтрены и рьяны,
Тамъ улыбаются уланы,
Вскочивъ на крѣпкое сѣдло...
Поѣдемъ въ Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьяхъ—клочья ваты,
И грянутъ „здравія“ раскаты
На крикъ „здорово, молодцы!“
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Гдѣ однодумы-генералы
Свой коротаютъ вѣкъ усталый,
Читая „Ниву“ и Дюма...
Особняки—а не дома!

Свистъ паровоза... Ѣдетъ князь.
Въ стекляномъ павильонѣ свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходитъ офицеръ, кичась—
Не сомнѣваюсь—это князь...

И возвращается домой—
Конечно, въ царство этикета,
Внушая тайный страхъ, карета
Съ мощами фрейлины сѣдой—
Что возвращается домой...

1912.

ЗОЛОТОЙ.

Цѣлый день сырой осеннiй воздухъ
Я вдыхалъ въ смятеньи и тоскѣ;
Я хочу поужинать,—и звѣзды
Золотыя въ темномъ кошелькѣ!

И, дрожа отъ желтаго тумана,
Я спустился въ маленькiй подвалъ;
Я нигдѣ такого ресторана
И такого сброда не видалъ!

Мелкiе чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавкомъ щупаетъ червонцы
Человѣкъ—и всѣ они пьяны.

Будьте такъ любезны, размѣняйте,
Убѣдительно его прошу—
Только мнѣ бумажекъ не давайте,—
Трехрублевокъ я не выношу!

Что мнѣ дѣлать съ пьяною оравой?
Какъ попалъ сюда я, Боже мой?
Если я на то имѣю право—
Размѣняйте мнѣ мой золотой!

1912.

ЛЮТЕРАНИНЪ.

Я на прогулкѣ похороны встрѣтилъ
Близъ протестантской кирки, въ воскресенье.
Разсѣянный прохожій, я замѣтилъ
Тѣхъ прихожанъ суровое волненье.

Чужая рѣчь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сіяла,
Да мостовая праздничная глухо
Лѣнивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумракѣ кареты,
Куда печаль забилась, лицемѣрка,
Безъ словъ, безъ слезъ, скупая на привѣты,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной,
И шли пѣшкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалью, и упорно
Надъ ними кучеръ правилъ въ даль, упрямый.

Кто бъ ни былъ ты, покойный лютеранинъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Былъ взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витійствовать не надо,
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свѣчи.

1912.

АЙЯ—СОФІЯ.

Айя-Софія—здѣсь остановиться
Судилъ Господь народамъ и царямъ!
Вѣдь куполъ твой, по слову очевидца,
Какъ на цѣпи подвѣшенъ къ небесамъ.

И всѣмъ примѣръ—года Юстиніана,
Когда похитить для чужихъ боговъ
Позволила эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

Куда-жъ стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помысломъ высокъ,
Расположилъ апсиды и экседры,
Имъ указавъ на западъ и востокъ?

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ мірѣ,
И сорокъ оконъ—свѣта торжество;
На парусахъ, подъ куполомъ, четыре
Архангела прекраснѣе всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и вѣка переживетъ,
И серафимовъ гулкое рыданье
Не покоробитъ темныхъ позолотъ.

1912.

NOTRE DAME.

Гдѣ римскій судія судилъ чужой народъ—
Стоитъ базилика—и, радостный и первый,
Какъ нѣкогда Адамъ, распластывая нервы,
Играетъ мышцами крестовый легкій сводъ.

Но выдаетъ себя снаружи тайный планъ!
Здѣсь позаботилась подпружныхъ арокъ сила,
Чтобъ масса грузная стѣны не сокрушила,
И свода дерзкаго бездѣйствуетъ таранъ.

Стихійный лабиринтъ, непостижимый лѣсъ,
Души готической разсудочная пропасть,
Египетская мощь и христіанства робость,
Съ тростинкой рядомъ—дубъ и всюду царь—отвѣсъ.

Но чѣмъ внимательнѣй, твердыня Notre Dame,
Я изучалъ твои чудовищныя ребра,—
Тѣмъ чаще думалъ я: изъ тяжести недоброй
И я когда нибудь прекрасное создамъ.

1912.

СТАРИКЪ.

Уже свѣтло, поетъ сирена
Въ седьмомъ часу утра.
Старикъ, похожій на Верлэна,
Теперь твоя пора!

Въ глазахъ лукавый или дѣтскій
Зеленый огонекъ;
На шею нацѣпилъ турецкій
Узорчатый платокъ.

Онъ богохульствуетъ, бормочетъ
Несвязныя слова;
Онъ исповѣдоваться хочетъ—
Но согрѣшить сперва.

Разочарованный рабочій
Иль огорченный мотъ—
А глазъ, подбитый въ нѣдрахъ ночи,
Какъ радуга цвѣтетъ.

Такъ, соблюдая день субботній,
Плетется онъ—когда
Глядитъ изъ каждой подворотни
Веселая нужда;

А дома—руганью крылатой,
Отъ ярости блѣдна,—
Встрѣчаетъ пьянаго Сократа
Суровая жена!

1913.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СТРОФЫ.

Н. Гумилеву.

Надъ желтизной правительственныхъ зданій
Кружилась долго мутная метель,
И правовѣдъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припекѣ
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна—какъ броненосецъ въ докѣ—
Россія отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой—посольства полуміра,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крѣпкая порфира,
Какъ власяница грубая, бѣдна.

Тяжка обуза сѣвернаго сноба—
Онѣгина старинная тоска;
На площади сената—валъ сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...
. . . .

Черпали воду ялики, и чайки
Морскія посѣщали складъ пеньки,
Гдѣ, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродятъ мужики.

Летитъ въ туманъ моторовъ вереница;
Самолюбивый, скромный пѣшеходъ—
Чудакъ Евгеній—бѣдности стыдится,
Бензинъ вдыхаетъ и судьбу клянетъ!

1913.

Дѣвъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звѣздъ разбѣгъ,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлегъ...

Кто, скажите, мнѣ сознанье
Виноградомъ замутитъ,
Если явь—Петра созданье,
Мѣдный всадникъ и гранитъ?

Слышу съ крѣпости сигналы,
Замѣчаю, какъ тепло.
Выстрѣлъ пушечный въ подвалы,
Вѣроятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звѣзды, трезвая бесѣда,
Вѣтеръ западный съ Невы...

1913.

БАХЪ.

Здѣсь прихожане—дѣти праха
И доски вмѣсто образовъ,
Гдѣ мѣломъ, Себастьяна Баха,
Лишь цифры значатся псалмовъ.

Разноголосица какая
Въ трактирахъ буйныхъ и церквахъ,
А ты ликуешь, какъ Исайя,
О разсудительнѣйшій Бахъ!

Высокій спорщикъ, неужели,
Играя внукамъ свой хоралъ,
Опору духа въ самомъ дѣлѣ
Ты въ доказательствѣ искалъ?

Что звукъ? Шестнадцатыя доли,
Органа многосложный крикъ,
Лишь воркотня твоя, не болѣ,
О, несговорчивый старикъ!

И лютеранскій проповѣдникъ
На черной кафедрѣ своей
Съ твоими, гнѣвный собесѣдникъ,
Мѣшаетъ звукъ своихъ рѣчей!

1913.

Въ спокойныхъ пригородахъ снѣгъ
Сгребаютъ дворники лопатами;
Я съ мужиками бородатыми
Иду, прохожій человѣкъ.

Мелькаютъ женщины въ платкахъ
И тявкаютъ дворняжки шалыя;
И самоваровъ розы алыя
Горятъ въ трактирахъ и домахъ.

1913.

Мы напряженнаго молчанья не выносимъ—
Несовершенство душъ обидно, наконецъ!
И, въ замѣшательствѣ, ужъ объявился чтецъ,
И радостно его привѣтствовали: просимъ!

Я такъ и зналъ, кто здѣсь присутствовалъ незримо:
Кошмарный человѣкъ читаетъ Улялюмъ.
Значенье—суета и слово—только шумъ—
Когда фонетика служанка серафима.

О домѣ Эшеровъ Эдгара пѣла арфа,
Безумный воду пилъ, очнулся и умолкъ.
Я былъ на улицѣ Свистѣлъ осенній шелкъ.
Чтобъ горло повязать я не имѣю шарфа!

1913.

АДМИРАЛТЕЙСТВО.

Въ столицѣ сѣверной томится пыльный тополь.
Запутался въ листвѣ прозрачный циферблатъ,
И въ темной зелени фрегатъ или акрополь
Сіяетъ издали, водѣ и небу братъ.

Ладья воздушная и мачта недотрога,
Служа линейкою преемникамъ Петра,
Онъ учитъ: красота не прихоть полубога,
А хищный глазомѣръ простого столяра.

Намъ четырехъ стихій пріязненно господство;
Но создалъ пятую свободный человѣкъ.
Не отрицаетъ ли пространства превосходство
Сей цѣломудренно-построенный ковчегъ.

Сердито лѣпятся капризныя Медузы,
Какъ плуги брошены, ржавѣютъ якоря,
И вотъ разорваны трехъ измѣреній узы
И открываются всемірныя моря!

1913.

Въ тавернѣ воровская шайка
Всю ночь играла въ домино;
Пришла съ яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.

На башнѣ спорили химеры:
Которая изъ нихъ уродъ?
А утромъ проповѣдникъ сѣрый
Въ палатки призывалъ народъ.

На рынкѣ возятся собаки,
Мѣнялы щелкаетъ замокъ.
У вѣчности воруетъ всякій;
А вѣчность—какъ морской песокъ:

Онъ осыпается съ телѣги—
Не хватитъ на мѣшки рогожъ—
И недовольный, о ночлегѣ
Монахъ разсказываетъ ложь!

1913.

КИНЕМАТОГРАФЪ.

Кинематографъ. Три скамейки.
Сантиментальная горячка.
Аристократка и богачка
Въ сѣтяхъ соперницы-злодѣйки.

Не удержать любви полета:
Она ни въ чемъ не виновата!
Самоотверженно, какъ брата,
Любила лейтенанта флота.

А онъ скитается въ пустынѣ—
Сѣдого графа сынъ побочный.
Такъ начинается лубочный
Романъ красавицы графини.

И въ изступленьи, какъ гитана,
Она заламываетъ руки.
Разлука. Бѣшеные звуки
Затравленнаго фортепьяно.

Въ груди довѣрчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важныя бумаги
Для непріятельскаго штаба.

И по каштановой аллеѣ
Чудовищный моторъ несется,
Стрекочетъ лента, сердце бьется
Тревожнѣе и веселѣе.

Въ дорожномъ платьѣ, съ саквояжемъ,
Въ автомобилѣ и въ вагонѣ,
Она боится лишь погони,
Сухимъ измучена миражемъ.

Какая горькая нелѣпость:
Цѣль не оправдываетъ средства!
Ему отцовское наслѣдство,
А ей пожизненная крѣпость!

1913.

ТЕННИСЪ.

Средь аляповатыхъ дачъ,
Гдѣ шатается шарманка,
Самъ собой летаетъ мячъ—
Какъ волшебная приманка.

Кто, смирившій грубый пылъ,
Облеченный въ снѣгъ альпійскій,
Съ рѣзвой дѣвушкой вступилъ
Въ поединокъ олимпійскій?

Слишкомъ дряхлы струны лиръ:
Золотой ракеты струны
Укрѣпилъ и бросилъ въ міръ
Англичанинъ вѣчно юный!

Онъ творитъ игры обрядъ,
Такъ легко-вооруженный,
Какъ аттическій солдатъ,
Въ своего врага влюбленный.

Май. Грозовыхъ тучъ клочки.
Неживая зелень чахнетъ.
Все моторы и гудки—
И сирень бензиномъ пахнетъ.

Ключевую воду пьетъ
Изъ ковша спортсмэнъ веселый;
И опять война идетъ,
И мелькаетъ локоть голый!

1913.

ДОМБИ И СЫНЪ.

Когда, пронзительнѣе свиста,
Я слышу англійскій языкъ—
Я вижу Оливера Твиста
Надъ кипами конторскихъ книгъ.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было въ Лондонѣ тогда:
Контора Домби въ старомъ Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Бѣлокурый
И нѣжный мальчикъ Домби-сынъ;
Веселыхъ клерковъ каламбуры
Не понимаетъ онъ одинъ.

Въ конторѣ сломанные стулья;
На шиллинги и пенсы счетъ;
Какъ пчелы, вылетѣвъ изъ улья,
Роятся цифры круглый годъ.

А грязныхъ адвокатовъ жало
Работаетъ въ табачной мглѣ —
И вотъ, какъ старая мочала,
Банкротъ болтается въ петлѣ.

На сторонѣ враговъ законы:
Ему ничѣмъ нельзя помочь!
И клѣтчатыя панталоны,
Рыдая, обнимаетъ дочь.

1913.

Отравленъ хлѣбъ и воздухъ выпитъ.
Какъ трудно раны врачевать!
Іосифъ, проданный въ Египетъ,
Не могъ сильнѣе тосковать!

Подъ звѣзднымъ небомъ бедуины,
Закрывъ глаза и на конѣ,
Слагаютъ вольныя былины
О смутно пережитомъ днѣ.

Немного нужно для наитій:
Кто потерялъ въ пескѣ колчанъ;
Кто вымѣнялъ коня—событій
Разсѣевается туманъ;

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконецъ,
Все исчезаетъ—остается
Пространство, звѣзды и пѣвецъ!

1913.

Летаютъ Валкиріи, поютъ смычки.
Громоздкая опера къ концу идетъ.
Съ тяжелыми шубами гайдуки
На мраморныхъ лѣстницахъ ждутъ господъ.

Ужъ занавѣсъ наглухо упасть готовъ;
Еще рукоплещетъ въ райкѣ глупецъ,
Извозчики пляшутъ вокругъ костровъ.
Карету такого-то! Разъѣздъ. Конецъ.

1913.

Поговоримъ о Римѣ—дивный градъ!
Онъ утвердился купола побѣдой.
Послушаемъ апостольское credo:
Несется пыль и радуги висятъ.

На Авентинѣ вѣчно ждутъ царя—
Двунадесятыхъ праздниковъ кануны—
И строго-каноническія луны
Не могутъ измѣнить календаря.

На дольный міръ бросаетъ пепелъ бурый,
Надъ форумомъ огромная луна,
И голова моя обнажена—
О холодъ католической тонзуры!

1913.

АХМАТОВА.

Въ полъ-оборота, о, печаль!
На равнодушныхъ поглядѣла.
Спадая съ плечъ, окаменѣла
Ложно-классическая шаль.

Зловѣщій голосъ—горькій хмель—
Души расковываетъ нѣдра:
Такъ—негодующая Федра—
Стояла нѣкогда Рашель.

1914.

Ни тріумфа, ни войны!
О желѣзные, доколѣ
Безопасный Капитолій
Мы хранить осуждены?

Или римскіе перуны—
Гнѣвъ народа—обманувъ,
Отдыхаетъ острый клювъ
Той ораторской трибуны;

Или возитъ кирпичи
Солнца дряхлая повозка
И въ рукахъ у недоноска
Рима ржавые ключи?

1914.

О временахъ простыхъ и грубыхъ
Копыта конскія твердятъ,
И дворники въ тяжелыхъ шубахъ
На деревянныхъ лавкахъ спятъ.

На стукъ въ желѣзныя ворота
Привратникъ, царственно-лѣнивъ,
Всталъ и звѣриная зѣвота
Напомнила твой образъ, скиѳъ—

Когда съ дряхлѣющей любовью
Мѣшая въ пѣсняхъ Римъ и снѣгъ,
Овидій пѣлъ арбу воловью
Въ походѣ варварскихъ телѣгъ.

1914.

На площадь выбѣжавъ, свободенъ
Сталъ колоннады полукругъ—
И распластался храмъ Господень,
Какъ легкій крестовикъ-паукъ.

А зодчій не былъ итальянецъ,
Но русскій въ Римѣ; ну такъ что жъ!
Ты каждый разъ, какъ иностранецъ,
Сквозь рощу портика идешь;

И храма маленькое тѣло
Одушевленнѣе стократъ
Гиганта, что скалою цѣлой
Къ землѣ, безпомощный, прижатъ!

1914.

Есть иволги въ лѣсахъ, и гласныхъ долгота
Въ тоническихъ стихахъ единственная мѣра.
Но только разъ въ году бываетъ разлита
Въ природѣ длительность, какъ въ метрикѣ Гомера.

Какъ бы цезурою зіяетъ этотъ день:
Уже съ утра покой и трудныя длинноты;
Волы на пастбищѣ и золотая лѣнь
Изъ тростника извлечь богатство цѣлой ноты.

1914.

«Мороженно!» Солнце. Воздушный бисквитъ.
Прозрачный стаканъ съ ледяною водою.
И въ міръ шоколада съ румяной зарею,
Въ молочныя Альпы мечтанье летитъ.

Но ложечкой звать; но умильно смотрѣть—
Чтобъ въ тѣсной бесѣдкѣ, средь пыльныхъ акацій,
Принять благосклонно отъ булочныхъ грацій
Въ затѣйливой чашечкѣ хрупкую снѣдь...

Подруга шарманки, появится вдругъ
Бродячаго ледника пестрая крышка—
И съ жаднымъ вниманіемъ смотритъ мальчишка
Въ чудеснаго холода полный сундукъ.

И боги не вѣдаютъ—что онъ возьметъ:
Алмазныя сливки иль вафлю съ начинкой?
Но быстро исчезнетъ подъ тонкой лучинкой,
Сверкая на солнцѣ, божественный ледъ.

1914.

Есть цѣнностей незыблемая скàла
Надъ скучными ошибками вѣковъ.
Неправильно наложена опала
На автора возвышенныхъ стиховъ.

И, вслѣдъ затѣмъ, какъ жалкій Сумароковъ
Пролепеталъ заученную роль,
Какъ царскій посохъ въ скиніи пророковъ
У насъ цвѣла торжественная боль.

Что дѣлать вамъ въ театрѣ полуслова
И полумаскъ, герои и цари?
И для меня явленье Озерова
Послѣдній лучъ трагической зари.

1914.

Я не слыхалъ разсказовъ Оссіана,
Не пробовалъ стариннаго вина;
Зачѣмъ же мнѣ мерещится поляна,
Шотландіи кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мнѣ чудится въ зловѣщей тишинѣ;
И вѣтромъ развѣваемые шарфы
Дружинниковъ мелькаютъ при лунѣ!

Я получилъ блаженное наслѣдство—
Чужихъ пѣвцовъ блуждающіе сны;
Свое родство и скучное сосѣдство
Мы презирать завѣдомо вольны.

И не одно сокровище, быть можетъ,
Минуя внуковъ, къ правнукамъ уйдетъ;
И снова скальдъ чужую пѣсню сложитъ
И, какъ свою, ее произнесетъ.

1914.

ЕВРОПА.

Какъ средиземный крабъ или звѣзда морская,
Былъ выброшенъ водой послѣднiй материкъ;
Къ широкой Азiи, къ Америкѣ привыкъ,
Слабѣетъ океанъ, Европу омывая.

Изрѣзаны ея живые берега
И полуострововъ воздушны изваянья;
Немного женственны заливовъ очертанья:
Бискайи, Генуи лѣнивая дуга.

Завоевателей исконная земля,
Европа, въ рубищѣ священнаго союза;
Пята Испанiи, Италiи Медуза
И Польша нѣжная, гдѣ нѣту короля;

Европа цезарей! Съ тѣхъ поръ, какъ въ Бонапарта
Гусиное перо направилъ Меттернихъ—
Впервые за сто лѣтъ и на глазахъ моихъ
Мѣняется твоя таинственная карта!

1914.

ENCYCLYCA.

Есть обитаемая духомъ
Свобода—избранныхъ удѣлъ.
Орлинымъ зрѣньемъ, дивнымъ слухомъ
Священникъ римскій уцѣлѣлъ.

И голубь не боится грома,
Которымъ церковь говоритъ;
Въ апостольскомъ созвучьи: Roma!
Онъ только сердце веселитъ.

Я повторяю это имя
Подъ вѣчнымъ куполомъ небесъ,
Хоть говорившій мнѣ о Римѣ
Въ священномъ сумракѣ исчезъ!

1914.

ПОСОХЪ.

Посохъ мой, моя свобода—
Сердцевина бытія,
Скоро ль истиной народа
Станетъ истина моя?

Я землѣ не поклонился
Прежде, чѣмъ себя нашелъ;
Посохъ взялъ, развеселился
И въ далекій Римъ пошелъ.

Пусть снѣга на черныхъ пашняхъ
Не растаютъ никогда;
Но печаль моихъ домашнихъ
Мнѣ попрежнему чужда.

Снѣгъ растаетъ на утесахъ—
Солнцемъ истины палимъ...
Правъ народъ, вручившій посохъ
Мнѣ, увидѣвшему Римъ!

1914.

ОДА БЕТХОВЕНУ.

Бываетъ сердце такъ сурово,
Что и любя его не тронь!
И въ темной комнатѣ глухого
Бетховена горитъ огонь.
И я не могъ твоей, мучитель,
Чрезмѣрной радости понять:
Уже бросаетъ исполнитель
Испепеленную тетрадь.

Когда земля гудитъ отъ грома
И рѣчка бурная реветъ
Сильнѣй грозы и бурелома,
Кто этотъ дивный пѣшеходъ?
Онъ такъ стремительно ступаетъ
Съ зеленой шляпою въ рукѣ,
И вѣтеръ полы развѣваетъ
На неуклюжемъ сюртукѣ.

Съ кѣмъ можно глубже и полнѣе
Всю чашу нѣжности испить;
Кто можетъ ярче пламенѣя
Усилье воли освятить;
Кто по-крестьянски, сынъ фламандца,
Міръ пригласилъ на ритурнель
И до тѣхъ поръ не кончилъ танца,
Пока не вышелъ буйный хмель?

О, Діонисъ, какъ мужъ, наивный
И благодарный, какъ дитя,
Ты перенесъ свой жребій дивный
То негодуя, то шутя!
Съ какимъ глухимъ негодованьемъ
Ты собиралъ съ князей оброкъ
Или съ разсѣяннымъ вниманьемъ
На фортепьянный шелъ урокъ!

Тебѣ монашескія кельи—
Всемірной радости пріютъ—
Тебѣ въ пророческомъ весельи
Огнепоклонники поютъ;
Огонь пылаетъ въ человѣкѣ,
Его унять никто не могъ.
Тебя назвать боялись греки,
Но чтили, неизвѣстный богъ!

О, величавой жертвы пламя!
Полъ-неба охватилъ костеръ—
И царской скиніи надъ нами
Разодранъ шелковый шатеръ.
И въ промежуткѣ воспаленномъ—
Гдѣ мы не видимъ ничего—
Ты указалъ въ чертогѣ тронномъ
На бѣлой славы торжество!

1914.

АББАТЪ.

О, спутникъ вѣчнаго романа,
Аббатъ Флобера и Золя—
Отъ зноя рыжая сутана
И шляпы круглыя поля;
Онъ все еще проходитъ мимо,
Въ туманѣ полдня, вдоль межи,
Влача остатокъ власти Рима
Среди колосьевъ спѣлой ржи.

Храня молчанье и приличье,
Онъ долженъ съ нами пить и ѣсть
И прятать въ свѣтское обличье
Сіяющей тонзуры честь.
Онъ Цицерона, на перинѣ,
Читаетъ, отходя ко сну:
Такъ птицы на своей латыни
Молились Богу въ старину.

Я поклонился, онъ отвѣтилъ
Кивкомъ учтивымъ головы,
И, говоря со мной, замѣтилъ:
„Католикомъ умрете вы!“
Потомъ вздохнулъ: «Какъ нынче жарко!»
И, разговоромъ утомленъ,
Направился къ каштанамъ парка,
Въ тотъ замокъ, гдѣ обѣдалъ онъ.

1915.

И поныне на Аѳоне
Древо чудное растетъ.
На крутомъ зеленомъ склоне
Имя Божіе поетъ.

Въ каждой радуются келье
Имябожцы—мужики:
Слово—чистое веселье,
Исцеленье отъ тоски!

Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены;
Но отъ ереси прекрасной
Мы спасаться не должны

Каждый разъ, когда мы любимъ,
Мы въ нее впадаемъ вновь.
Безъимянную мы губимъ
Вместе съ именемъ любовь.

1915.

О свободѣ небывалой
Сладко думать у свѣчи.
— Ты побудь со мной, сначала, —
Вѣрность плакала въ ночи,

—Только я мою корону
Возлагаю на тебя,
Чтобъ свободѣ, какъ закону,
Подчинился ты, любя...

— Я свободѣ, какъ закону,
Обрученъ, и, потому,
Эту легкую корону
Никогда я не сниму.

Намъ ли, брошеннымъ въ пространствѣ,
Обреченнымъ умереть,
О прекрасномъ постоянствѣ
И о вѣрности жалѣть!

1915.

Безсонница. Гомеръ. Тугiе паруса.
Я списокъ кораблей прочелъ до середины:
Сей длинный выводокъ, сей поѣздъ журавлиный,
Что надъ Элладою когда-то поднялся.

Какъ журавлиный клинъ въ чужiе рубежи—
На головахъ царей божественная пѣна—
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вамъ, одна, ахейскiе мужи?

И море, и Гомеръ—все движется любовью.
Кого же слушать мнѣ? И вотъ, Гомеръ молчитъ
И море черное, витiйствуя, шумитъ
И съ тяжкимъ грохотомъ подходитъ къ изголовью.

1915.

Съ веселымъ ржаніемъ пасутся табуны
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уноситъ времени прозрачная стремнина.

Топча по осени дубовые листы,
Что густо стелются пустынною тропинкой,
Я вспомню Цезаря прекрасныя черты—
Сей профиль женственный съ коварною горбинкой!

Здѣсь, Капитолія и Форума вдали,
Средь увяданія спокойнаго природы,
Я слышу Августа и на краю земли
Державнымъ яблокомъ катящіяся годы.

Да будетъ въ старости печаль моя свѣтла:
Я въ Римѣ родился и онъ ко мнѣ вернулся;
Мнѣ осень добрая волчицею была
И—мѣсяцъ Цезаря—мнѣ августъ улыбнулся.

1915.

Я не увижу знаменитой «Федры»,
Въ старинномъ многоярусномъ театрѣ,
Съ прокопченной высокой галереи,
При свѣтѣ оплывающихъ свѣчей.
И, равнодушенъ къ суетѣ актеровъ,
Сбирающихъ рукоплесканій жатву,
Я не услышу, обращенный къ рампѣ,
Двойною риѳмой оперенный стихъ:

— Какъ эти покрывала мнѣ постылы...

Театръ Расина! Мощная завѣса
Насъ отдѣляетъ отъ другого міра;
Глубокими морщинами волнуя,
Межъ нимъ и нами занавѣсъ лежитъ:
Спадаютъ съ плечъ классическія шали,
Расплавленный страданьемъ крѣпнетъ голосъ
И достигаетъ скорбнаго закала
Негодованьемъ раскаленный слогъ...

Я опоздалъ на празднество Расина!

Вновь шелестятъ истлѣвшія афиши,
И слабо пахнетъ апельсинной коркой,
И, словно, изъ столѣтней летаргіи
Очнувшійся сосѣдъ мнѣ говоритъ:
— Измученный безумствомъ Мельпомены,
Я въ этой жизни жажду только мира;
Уйдемъ, покуда зрители-шакалы
На растерзанье Музы не пришли!

Когда бы грекъ увидѣлъ наши игры...

1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Всемирн. Литерату
Шкаф 149
№ 136
37-856

Ч

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія у М. В. Яснаго, быв. М. В. Попова, Невскій 66.